

ЭТНИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

В. В. Фаузер, А. В. Смирнов, Г. Н. Фаузер

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми
НЦ УрО РАН (Сыктывкар, Республика Коми, Российская Федерация)

Статья поступила в редакцию 7 февраля 2024 г.

Для цитирования

Фаузер В. В., Смирнов А. В., Фаузер Г. Н. Этнический потенциал формирования человеческих ресурсов российской Арктики // Арктика: экология и экономика. — 2024. — Т. 14, № 2. — С. 286—300. — DOI: 10.25283/2223-4594-2024-2-286-300.

Население и человеческие ресурсы российской Арктики формируются за счет воспроизводства старожильческого населения и мигрантов первого поколения, демографической динамики статусных этносов национальных республик российского Севера (карел, коми, тувинцев и якутов) и коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Часть потребности в ресурсах труда покрывается за счет работающих вахтово-экспедиционным методом. Каждая группа человеческих ресурсов демонстрирует отличительную демографическую динамику, вносит свой вклад в формирование человеческих ресурсов российской Арктики. Поставлена цель — дать оценку каждому компоненту формирования человеческих ресурсов российской Арктики. Сделан вывод о высокой убыли старожильческого населения и новоселов начиная с 1990-х годов, о разнонаправленной динамике статусных и коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Но, несмотря на это, их численность в России составляет почти половину человеческих ресурсов российской Арктики. Информационную базу исследования составили материалы переписей населения 1926–2021 гг.

Ключевые слова: российская Арктика, человеческие ресурсы, статусные этносы российского Севера, коренные малочисленные народы, переписи населения.

Введение

Для промышленного освоения российской Арктики наряду с финансовыми и техническими ресурсами [1], инновациями [2] и современными технологиями нужны человеческие ресурсы. При этом их должно быть достаточно как количественно, так и с точки зрения квалификации, им также требуется хорошее здоровье для адаптации и жизни в суровых природно-климатических условиях Арктики.

Вопросы финансового обеспечения и условий создания материально-технической базы арктических территорий достаточно полно рассмотрены в монографических работах [3–6] и обозначены в стра-

тегических документах, среди которых: «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года»¹, «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года»², «Стратегическая программа действий по охране окружающей среды Арктической

¹ Указ Президента РФ «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» от 5 марта 2020 г. № 164.

² Указ Президента РФ «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» от 26 октября 2020 г. № 645.

зоны Российской Федерации»³, федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации»⁴. Опорные населенные пункты Арктической зоны для реализации экономических проектов утверждены в конце 2023 г.⁵

Сложнее обстоят дела с обеспечением хозяйствующих субъектов на освоенных и вновь осваиваемых арктических территориях человеческими ресурсами. Собственной демографической базы было явно недостаточно и в прежние годы, при освоении и заселении российского Севера [7—9]. Проблема эта усугубилась в начале 1990-х годов, а также с выделением из Севера России в 2014 г. Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), возник конфликт интересов по доступу к финансовым и материальным ресурсам, по привлечению и закреплению населения на территориях, имеющих разную степень «северности» и «арктичности» [10].

Уже в одной из первых монографических работ по российской Арктике были обозначены «арктические» преимущества и возникающие проблемы: «...Наличие крупнейших запасов полезных ископаемых выступает одним из глобальных конкурентных преимуществ, которыми обладает Арктика, и позволяет позиционировать ее как резервную ресурсную зону мирового масштаба. Однако рассмотрение Арктики с этих позиций обуславливает проведение в ее отношении политики, носящей черты колониальной, — с эксплуатацией природных и человеческих ресурсов», проблемой является и то, что «доля экономически активного населения также не соответствует масштабам арктического пространства» [11, с. 392—393].

При этом следует обратить внимание на то, что государственной программы по комплексному обеспечению арктических и северных территорий человеческими ресурсами нет, а того, что делается, недостаточно [12]. Первые контуры решения кадрового вопроса были очерчены в «Генеральной схеме расселения на территории Российской Федерации». В ней отмечалось, что необходимо перейти «от политики проживания к политике пребывания некоренного населения, особенно в условиях Крайнего Севера», следует «обеспечить жесткий отбор лиц, прибывающих на Север, по профессиям и состоянию

здоровья; постепенный переход к осуществлению плановой сменности трудящихся». Растущую или недостающую потребность в человеческих ресурсах предлагалось закрыть «широким внедрением вахтово-экспедиционного способа с постепенной переориентацией его на меридиональное направление экспедиционных поездок»⁶.

Таким образом, обеспечить недостающую потребность в человеческих ресурсах предлагалось, используя вахтово-экспедиционный метод организации труда. О его достоинствах и недостатках достаточно подробно написано в [13; 14, с. 162]. Здесь лишь вновь подчеркнем, что он предполагает привлекать население из других регионов страны, игнорируя интересы местного населения [15].

В центре внимания данной статьи проблемы воспроизводства старожильческого населения, внутренние и внешние источники обеспечения российской Арктики человеческими ресурсами. Впервые рассмотрена роль статусных и коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока как источника формирования человеческих ресурсов Арктики, а не как этносов, переживающих демографический кризис.

Целью исследования является определение компонентов формирования человеческих ресурсов российской Арктики и оценка их вклада в демографическую динамику.

В качестве объекта исследования выступает Арктическая зона Российской Федерации, предметом исследования являются человеческие ресурсы Арктики и источники их формирования: старожильческое население, мигранты первого поколения, статусные северные этносы, а также коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Информационной базой исследования послужили итоги девяти всесоюзных и всероссийских переписей населения (1926—2021 гг.), рассмотренные как на региональном, так и на муниципальном уровнях.

Методы

Методологическую основу исследования составил принцип историзма, позволивший проследить последовательность законодательных инициатив государства по созданию демографической базы из трех источников формирования человеческих ресурсов российской Арктики, уделив особое внимание методологии составления единого списка коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС). Проблемно-хронологический метод изучения исторической действительности позволил оценить состояние человеческих ресурсов, в том числе КМНС, с начала XX в. до первой четверти XXI в., статистические и демографические методы позволили проследить демографическую динамику каждого из трех источников, каждого из 40 этносов.

³ Стратегическая программа действий по охране окружающей среды Арктической зоны Российской Федерации. — Одобрена Морской коллегией при Правительстве РФ, протокол от 19 июня 2009 г. № 2 (11).

⁴ Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ.

⁵ Распоряжение Правительства РФ «О Перечне опорных населенных пунктов (муниципальных образований) Арктической зоны Российской Федерации, в том числе выполняющих функции по обеспечению национальной безопасности и (или) функции базы для развития минерально-сырьевых центров, реализации экономических и (или) инфраструктурных проектов в Арктике» от 28 ноября 2023 г. № 3377-р.

⁶ Генеральная схема расселения на территории Российской Федерации (одобрена Правительством РФ, протокол от 15 декабря 1994 г. № 31).

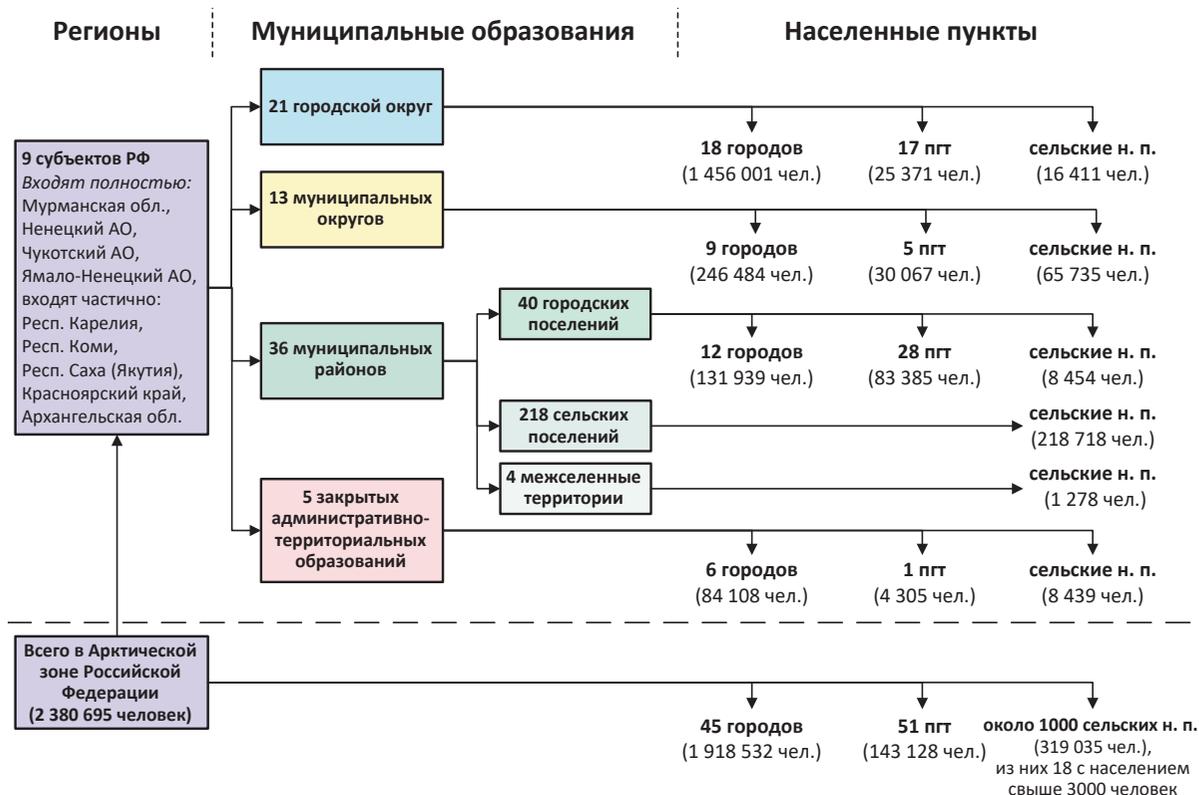

Рис. 1. Административное деление российской Арктики и распределение населения по типам населенных пунктов (перепись населения 2021 г.)
 Fig. 1. Administrative division of the Russian Arctic and distribution of population by type of settlement (population census of 2021)

Предваряя анализ, следует сделать пояснение: коренные (или малые) народы следует отличать от собственно коренных (или автохтонных) народов. Так, русские, татары, башкиры, чуваша и многие другие народы являются в России коренными, но существуют также «коренные малочисленные народы России» и «коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока». О последних как источнике пополнения человеческих ресурсов, собственно, и пойдет речь в предлагаемой статье.

Результаты исследований

Основу человеческих ресурсов российской Арктики составляют старожильческое население, мигранты первого поколения и вахтовые работники. Это те ресурсы труда, которые сегодня работают на арктических предприятиях и могут принять участие в освоении новых месторождений. Есть еще два недооцененных ресурса, имеющих существенный потенциал при формировании человеческих ресурсов российской Арктики, — это статусные северные этносы: карелы, коми, тувинцы и якуты, а также коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. В таком ракурсе они еще не рассматривались. Проанализируем каждый компонент формирования человеческих ресурсов российской Арктики отдельно, что включает: 1) рассмотре-

ние численности населения российской Арктики за 1939—2021 гг.; 2) демографический потенциал статусных северных этносов с 1926 по 2021 гг.; 3) недостаточно привлеченные в индустриальное развитие Севера и Арктики коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока.

1. Население и человеческие ресурсы российской Арктики

Представим современный демографический потенциал человеческих ресурсов и административное устройство российской Арктики в координатах переписи населения 2021 г. По данным переписи в Арктике проживали 2 380 695 человек, в том числе в европейской Арктике — 1 533 634, а в азиатской — 847 061 человек. Российская Арктика — высокоурбанизированный макрорегион, в городах и поселках городского типа проживают 2 061,7 тыс. человек, или 86,6%, ее площадь составляет 5 294 830 км² (38,6% Мировой Арктики). При незначительной численности населения и огромной территории российская Арктика практически безлюдна — 0,45 человека на 1 км². Однако в Мировой Арктике есть и менее заселенные регионы — на арктических территориях Канады и Дании плотность составляет 0,03 и 0,05 человека на 1 км² соответственно.

В административно-территориальном плане российская Арктика состоит из 9 субъектов России, в том числе 8 субъектов российского Севера, входящих в Арктику полностью или частично (это республики Карелия, Коми и Саха (Якутия), Архангельская и Мурманская области, Ненецкий, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа — АО), 3 муниципальных районов и одного городского округа из региона, относимого к Северу частично (городской округ (ГО) Норильск, Таймырский Долгано-Ненецкий, Туруханский и Эвенкийский (входит не полностью) районы Красноярского края). На муниципальном уровне это 75 ГО, муниципальных округов (МО) и муниципальных районов (МР). Среди них 5 относятся к закрытым административно-территориальным образованиям. На Арктическую зону приходится 1,6% населения России, около 30,9% территории и 6,5% суммарного валового регионального продукта. В российской Арктике 45 городов, 51 поселок городского типа (пгт) и около 1000 сельских населенных пунктов (н. п.) (рис. 1).

В регионах, входящих в российскую Арктику частично, значительная доля площади приходится на арктическую часть: в Красноярском крае — 67,2%, в его составе в МР Эвенкийский — 65,2%; в Архангельской области без Ненецкого АО — 59,5% и Республике Саха (Якутия) — 47,1%. Меньшей долей «арктической площади» обладают республики Карелия — 37,3% и Коми — 30,6%. Большая часть населения российской Арктики проживает в европейской Арктике — 64,4%, на азиатскую Арктику приходится 35,6%. Высокой долей арктического населения выделяются Архангельская область (без

Ненецкого АО) — 59,7% и МР Эвенкийский — 49,8%, незначительна она в республиках Карелия — 19,1%, Коми — 18,7% и Саха (Якутия) — 6,4%, а также в Красноярском крае — 7,9%.

Огромные площади и малая численность населения обусловили низкую плотность населения: выше среднего арктического значения она в Мурманской — 4,72 человека на 1 км² и Архангельской (без Ненецкого АО) областях — 2,38, республиках Карелия — 1,51 и Коми — 1,08 человека на 1 км², минимальная она в МР Эвенкийский — 0,01 и Таймырский Долгано-Ненецкий — 0,03, а также в Республике Саха (Якутия) — 0,04 человека на 1 км² (табл. 1).

С 1939 по 1989 г. численность населения российской Арктики демонстрировала восходящую динамику, численность городского населения увеличилась в 4,8 раза, в том числе городов — в 4,5 и пгт — в 6,9 раза. Общий прирост населения составил 2 686 557 человек, в основном за счет городского населения. Росту численности населения способствовал рост числа городов и пгт. С 1939 по 1989 гг. количество городов увеличилось с 15 до 37, а пгт — с 19 до 110. Была достигнута максимальная средняя людность городов — 72 843 и пгт — 5701 человек. Новый социально-экономический порядок 1990-х годов самым неблагоприятным образом отразился на демографической динамике регионов российской Арктики. С 1989 по 2021 гг. убыль городского населения составила 1 260 669 человек, города потеряли 776 659, а пгт — 484 010 человек, что снизило среднюю людность городов на 30 209 и пгт — на 2895 человек.

Таблица 1. Показатели субъектов российской Арктики (перепись населения 2021 г.)

Table 1. Indicators of the Russian Arctic regions (population census of 2021)

Субъект	Площадь, км ²	Доля общей площади субъекта (района), %	Доля площади АЗРФ, %	Численность постоянного населения, человек	Доля общей численности населения субъекта (района), %	Доля численности населения АЗРФ, %	Плотность населения, человек на 1 км ²
Российская Арктика	5 294 830	-	100,0	2 380 695	-	100,0	0,45
Европейская Арктика	758 745	-	14,3	1 533 634	-	64,4	2,02
Республика Карелия	67 249	37,3	1,3	101 670	19,1	4,3	1,51
Республика Коми	127 439	30,6	2,4	137 951	18,7	5,8	1,08
Архангельская область (без Ненецкого АО)	245 817	59,5	4,6	584 835	59,7	24,6	2,38
Мурманская область	141 427	100,0	2,7	667 744	100,0	28,0	4,72
Ненецкий АО	176 813	100,0	3,3	41 434	100,0	1,7	0,23

Субъект	Площадь, км ²	Доля общей площади субъекта (района), %	Доля площади АЗРФ, %	Численность постоянного населения, человек	Доля общей численности населения субъекта (района), %	Доля численности населения АЗРФ, %	Плотность населения, человек на 1 км ²
Азиатская Арктика	4 536 085	-	85,7	847 061	-	35,6	0,19
Республика Саха (Якутия)	1 451 611	47,1	27,4	64 207	6,4	2,7	0,04
Красноярский край	1 591 318	67,2	30,1	224 874	7,9	9,4	0,14
ГО Норильск	4 509	100,0	0,1	175 237	100,0	7,4	38,86
МР Таймырский Долгано-Ненецкий	879 900	100,0	16,6	30 154	100,0	1,3	0,03
МР Туруханский	209 309	100,0	4,0	12 808	100,0	0,5	0,06
МР Эвенкийский	497 600	65,2	9,4	6 675	49,8	0,3	0,01
Чукотский АО	723 489	100,0	13,7	47 490	100,0	2,0	0,07
Ямало-Ненецкий АО	769 667	100,0	14,5	510 490	100,0	21,4	0,66

Примечание: применено обозначение, используемое Росстатом: короткое тире (–) — явление отсутствует.

Численность населения российской Арктики с 1939 по 1989 г. увеличилась в 3,4 раза, в том числе европейской Арктики — в 2,8 и азиатской — в 6,3 раза. Бурный рост показали Республика Коми (в 9,9 раза) и Чукотский АО (в 7,3 раза). Но особо значимым рост был в Ямало-Ненецком АО, где население увеличивалось до 2010 г., прирост составил 477,1 тыс. человек, а увеличение — в 11,4 раза.

С 1989 г. убыль населения демонстрировали все субъекты Арктики за исключением Ямало-Ненецкого АО, где она наступила только после 2010 г. Наиболее быстрыми темпами убывало население европейской Арктики — 41,9% (2021 г. к 1989 г.), азиатская Арктика потеряла меньше — 27,6%. Среди территорий, которые потеряли более половины населения, выделяются: МР Туруханский — 71,7%, Чукотский АО — 69,9%, республики Коми — 62,9% и Саха (Якутия) — 56,1% (табл. 2).

2. Этносны национальных республик российского Севера⁷

Предваряя изложение материала, сделаем методическое пояснение. В число северных регионов входят 24 субъекта России, 13 из них — полностью, а 11 —

частично⁸. Республика Тыва относится к 13 входящим в АЗРФ полностью субъектам. Поэтому, несмотря на территориальную удаленность от Арктики, она включена в число исследуемых регионов.

Значительным демографическим и трудовым потенциалом для формирования человеческих ресурсов российской Арктики обладают четыре статусных этноса, республики которых входят в российский Север (Республика Тыва) и частично в Арктику: республики Карелия, Коми и Саха (Якутия). Особый статус этих народов следует из названий республик, у карел и коми особая роль этих народов прописана в конституциях регионов.

С 1926 по 2002 гг. численность статусных этносов увеличилась на 461 766 человек (рост 187,5%), затем она стала уменьшаться и к 2021 г. сократилась на 87 591 в основном за счет уменьшения численности карел и коми. В общей численности в 2021 г. на якутов приходилось 52,0%, на тувинцев — 31,0%, на коми — 14,1% и на карел — 2,9%. Из четырех северных этносов только тувинцы и якуты демон-

⁷ Авторы в своих работах используют словосочетание «российский Север», когда речь идет о 13 регионах, целиком входящих в АЗРФ, и «Север России», когда рассматриваются все 24 северных субъекта Федерации

⁸ Постановление Правительства РФ «Об утверждении перечня районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, в целях предоставления государственных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в этих районах и местностях, признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых актов Совета Министров СССР» от 16 ноября 2021 г. № 1946.

Таблица 2. Динамика численности населения и расселение российской Арктики (переписи населения 1939—2021 гг.), человек

Table 2. Population dynamics and settlement of the Russian Arctic (population census of 1939—2021), people

Показатель	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2021
Российская Арктика	1 121 545	1 904 527	2 465 439	3 003 521	3 808 102	3 012 411	2 743 166	2 380 695
Городское население:								
городов	598 306	1 083 389	1 560 994	1 963 549	2 695 191	2 282 048	2 157 640	1 918 532
пгт	90 890	431 638	421 974	543 038	627 138	306 589	216 059	143 128
Сельское население	432 349	389 500	482 471	496 934	485 773	423 774	369 467	319 035
Европейская Арктика	935 306	1 534 987	1 959 570	2 279 324	2 638 878	2 087 829	1 858 388	1 533 634
Республика Карелия	111 330	166 027	164 037	162 561	183 236	155 069	130 167	101 670
Республика Коми	37 524	239 660	265 352	318 686	372 151	248 836	191 300	137 951
Архангельская область (без Ненецкого АО)	447 657	524 747	691 535	785 614	881 894	739 844	699 422	584 835
Мурманская область	291 178	567 672	799 527	965 462	1 146 757	892 534	795 409	667 744
Ненецкий АО	47 617	36 881	39 119	47 001	54 840	51 546	42 090	41 434
Азиатская Арктика	186 239	369 540	505 869	724 197	1 169 224	924 582	884 778	847 061
Республика Саха (Якутия)	40 836	66 248	92 691	112 530	146 380	81 446	73 927	64 207
Красноярский край:								
ГО Норильск (город образован в 1953 г.)	—	123 513	159 206	234 633	267 609	221 908	176 252	175 237
МР Таймырский Долгано-Ненецкий	28 711	33 382	38 060	44 108	55 111	39 786	34 432	30 154
МР Туруханский	45 109	32 126	27 479	33 754	45 308	12 439	18 708	12 808
МР Эвенкийский	4 219	5 248	7 272	8 697	11 124	8 173	8 029	6 675
Чукотский АО	21 524	46 689	101 184	132 859	157 528	53 824	50 526	47 490
Ямало-Ненецкий АО	45 840	62 334	79 977	157 616	486 164	507 006	522 904	510 490
<i>Показатели расселения</i>								
Количество городских населенных пунктов:								
городов	34	109	122	137	147	121	101	96
пгт	15	23	29	32	37	45	45	45
Средняя людность, человек:								
городов	20 270	13 899	16 254	18 296	22 601	21 394	23 502	21 476
пгт	39 887	47 104	53 827	61 361	72 843	50 712	47 948	42 634
пгт	4 784	5 019	4 537	5 172	5 701	4 034	3 858	2 806

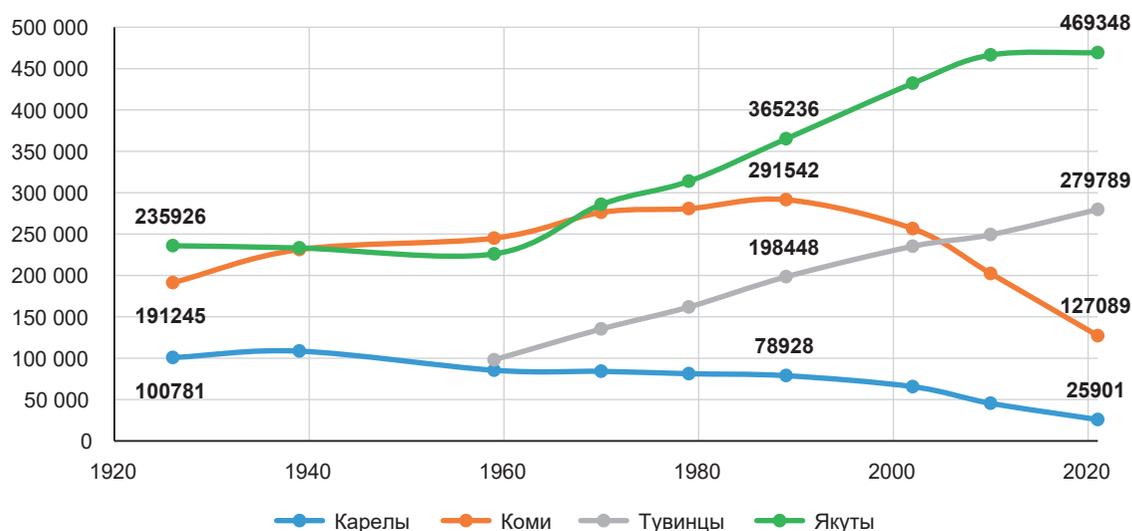

Рис. 2. Численность представителей статусных национальностей, проживающих в национальных республиках Севера России (переписи населения 1926–2021 гг.), человек. Источники: Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php>; Итоги Всероссийской переписи населения 2021 года. – URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>

Fig. 2. Number of representatives of status nationalities living in the national republics of the Russian North (population census of 1926–2021), people. Sources: Population Censuses of the Russian Empire, the USSR, 15 newly Independent states. Available at: <https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php>; Results of the All-Russian Population Census of 2021. Available at: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>

стрировали восходящую динамику, у тувинцев рост численности составил 285,5%, а у якутов — 198,9%. Коми этнос увеличивал свою численность 63 года с 1926 по 1989 г.г., прирост составил 100 297 человек, в последующие 32 года (1989—2021 гг.) численность коми сократилась на 164 453 человека (43,6% численности 1989 г.). Однако наибольшие потери в численности имели карелы, с 1926 по 2021 гг. их стало меньше на 74 880 человек, или 25,7% исходной численности 1926 г. На рис. 2 представлена динамика статусных этносов, особенно наглядно это видно при сравнении коми и якутов.

В АЗРФ в 2021 г. проживали всего 51 863 представителя четырех статусных этносов (31 087 якутов, 14 814 коми, 5484 карел и 478 тувинцев). В территориальном разрезе в 18 округах и районах они превышают 10% указавших национальность, а в 4 районах Якутии — 50%: Абыйском МР (81,4%), Среднеколымском МР (79,9%), Верхоянском МР (78,9%), Момском МР (62,3%). В 44 округах и районах из 75 на статусные национальности приходится менее 1% населения. Это районы Архангельской и Мурманской областей, города Западной Сибири и Чукотка (рис. 3). На неарктических территориях проживают 94,3% представителей четырех статусных этносов Севера. Учитывая неблагоприятную экономическую ситуацию во многих регионах ближнего Севера, их жители могут рассматривать Арктику в качестве перспективного рынка труда.

В целом можно заключить, что статусные этносы российского Севера в новой России снизили свой демографический потенциал, в первую очередь за счет карел и коми. В то же время якуты и тувинцы по-прежнему имеют достаточный потенциал для

обеспечения человеческими ресурсами арктических регионов нового хозяйственного освоения. На фоне значительного оттока старожильческого населения и сокращения внешнего притока населения этот ресурс может представлять интерес для хозяйствующих субъектов. Необходимо лишь изменить отношение к ним и механизм экономических стимулов.

3. Человеческий потенциал коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока

Источником формирования человеческих ресурсов для российской Арктики являются коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. В международно-политическом дискурсе они представлены как «четвертый мир», а в отечественной науке названы особой общностью «четвертого измерения», формирующей экологическую систему ценностей, а также «спасителями цивилизации» [16, с. 17]. Их социально-трудовой потенциал и вовлечение в хозяйственную деятельность описаны в [17—21], что позволяет нам не рассматривать эти характеристики.

Прежде чем привести данные по коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока, сделаем небольшое пояснение. В первом перечне народностей и племен северных окраин РСФСР⁹ (1926 г.) упомянуто 36 этнонимов. 6 марта 1957 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему разви-

⁹ Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин. – Утв. постановлением ВЦИК и СНК от 25 декабря 1926 г. // СУ РСФСР. – 1926. – № 73. – Ст. 575.

Числами обозначены регионы:

1. Мурманская область	4. Ненецкий автономный округ	7. Красноярский край
2. Республика Карелия	5. Республика Коми	8. Республика Саха (Якутия)
3. Архангельская область	6. Ямало-Ненецкий автономный округ	9. Чукотский автономный округ

Рис. 3. Удельный вес четырех статусных национальностей Севера: карел, коми, тувинцев и якутов (перепись населения 2021 г.), %. Источник: данные территориальных органов Росстата

Fig. 3. Share of the four (4) status nationalities of the North: Karelians, Komi, Tuvans and Yakuts (population census of 2021), %. Source: data from the Rosstat territorial bodies

тию экономики и культуры народностей Севера»¹⁰, в котором отмечалось, что «на основе ленинской национальной политики нации и народности Крайнего Севера — якуты, коми, алеуты, долганы, ительмены, кеты, коряки, манси, нанайцы, нганасаны, негидальцы, ненцы, нивхи, ороки (уйльта с 2010 г.), орочи, саами, селькупы, тофалары, удэгейцы, ульчи, ханты, чуванцы, чукчи, эвенки, эвены, энцы, эскимосы, юагиры достигли успехов в своем экономическом и культурном развитии». Как видим, выделены две нации (коми и якуты) и 26 народностей. В очередной раз перечень народностей Севера в количестве 26 этносов был подтвержден постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 февраля 1980 г. № 115¹¹. Последним официальным документом, содержащим перечень 26 малочисленных народов Севера, является совместное постановление Кабинета Министров СССР и Совмина РСФСР от 11 марта 1991 г. № 84¹².

¹⁰ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» от 16 марта 1957 г. № 300. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/765714380>.

¹¹ Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера» от 7 февраля 1980 г. № 115.

¹² Постановление Кабинета Министров СССР, Совмина РСФСР «О дополнительных мерах по улучшению социально-экономических условий жизни малочисленных народов Севера на 1991–1995 годы» от 11 марта 1991 г. № 84 // СП СССР. — 1991. — № 7-8. — Ст. 31.

В 1993 г. Перечень из 26 народностей дополнили шорцы, телеуты, кумандинцы¹³, увеличив его до 29. В 2000 г. Правительство РФ приняло «Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации»¹⁴ (вошли тувинцы-тодзинцы, увеличив Перечень до 30). В 2006 г. Правительство РФ приняло «Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Он сформирован на основе списка 30 малочисленных народов Севера, который в 2006 г. дополнили 10 этносов: алыторцы, вепсы, камчадалы, керенки, сойоты, тазы, теленгиты, тубулары, челканцы и чулымцы. Этот Перечень из 40 северных народов действует по настоящее время. Из 40 коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС) в российской Арктике по переписи населения 2021 г. проживают 32 этноса, не представлены: алыторцы, негидальцы, сойоты, тазы, телеуты, тофалары (тофа), уйльта и чулымцы. Причем у половины из них (16 народов) на Арктику приходится менее 1% населения.

По переписи населения 2021 г. численность коренных малочисленных народов Севера, Сибири

¹³ Постановление Совета Национальностей Верховного Совета РФ «Об отнесении шорцев, телеутов, кумандинцев к малочисленным народам Севера» от 24 февраля 1993 г. № 4538-1 // Ведомости РФ. — 1993. — № 13. — С. 465.

¹⁴ Постановление Правительства Российской Федерации «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 24 марта 2000 г. № 255 // СЗ РФ. — 2000. — № 14. — Ст. 1493.

и Дальнего Востока составляет 262 615 человек, 11 этносов имеют численность более 5 тыс. человек, 17 этносов — от 1 до 5 тыс. и 12 этносов — менее 1 тыс. человек. Наиболее многочисленными коренными народами являются: ненцы (49,8 тыс. человек), эвенки (39,4 тыс.), ханты (31,6 тыс.), эвены (ламуты) (20,0 тыс.), чукчи (16,2 тыс.), манси (12,3 тыс.), нанайцы (11,7 тыс.) и шорцы (10,6 тыс.). Самыми малочисленными в полном смысле этого слова стали алюторцы (97 человек) и кереки (23 человека), но если первые проживают на своей этнической родине в Камчатском крае (91,8%), то 73,9% общей численности керекоев проживают за пределами Чукотского АО. В целом можно отметить, что основная часть коренных народов проживает на своей этнической родине (73,7%), на прилегающих северных территориях (13,5%), оставшиеся — либо на северных территориях (4,7%), либо за пределами северной зоны (8,1%).

Обсуждение результатов

Оценим динамику численности населения малочисленных коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока за время от последней переписи СССР 1989 г. до российской переписи 2021 г., что позволит сравнить две эпохи: советскую и постсоветскую. В целом по всем народам динамика положительная, численность 40 народностей увеличилась на 53 211 человек, рост 125,4% (в отдельные периоды часть этносов учитывалась в составе укрупненных групп).

Стоит заметить, что каждая народность продемонстрировала разную динамику, и в целом их можно разбить на пять групп.

Первая группа включает 11 народностей, показавших положительную динамику, прирост составил 51 348 человек. В этой группе наибольший рост продемонстрировали юкагиры — 163,0%, манси — 148,7%, ненцы — 145,6% и ханты — 141,8%, в этой же группе в период 2002—2021 гг. тубалары — 234,8%, сойоты — 158,2% и челканцы — 153,7%.

Вторая группа, самая многочисленная, включающая 13 народностей, показывала постоянную убыль населения. Семь народностей за 1989—2021 гг. дали убыль в количестве 3893 человек, самое значительное уменьшение произошло у орочей — на 40,0%, алеутов — на 38,0% и чуванцев — на 34,8%. Из списка 40 народностей за 2002—2021 гг. убыль составила 11 354 человека, из них наибольшая у вепсов — 3553, шорцев — 3394 и коряков — 1245.

В третью группу вошли 12 народностей, имевших рост численности населения (2002—2010 гг.), а затем ее убыль. Так, с 1989 по 2010 гг. прирост по этой группе составил 9767 человек, а в 2010—2021 гг. она уменьшилась на 5018 человек. Высокая убыль наблюдалась у кетов, нивхов, уйльтов и саамов.

Четвертая группа — кереки, тувинцы-тоджинцы и чулымцы, после убыли продемонстрировавшие рост численности.

И наконец, *пятая группа* — особняком стоящие нганасаны. Их численность уменьшилась с 1989 по 2002 гг. на 428 человек, затем увеличилась на 28 и потом вновь снизилась на 169 человек (табл. 3).

В границах российской Арктики в 2021 г. проживали 109 757 представителей КМНС. Это 41,8% их общей численности и 5,7% всего населения АЗРФ. Больше всего ненцев (это вторая по численности национальность Арктики после русских, 46 938 человек, или 2,4% указавших национальность), чукчей (13 852 человека), эвенков (12 855) и хантов (10 020). Доля коренных малочисленных народов свыше 10% отмечена в 28 округах и районах, а где свыше половины жителей — в 10, из которых 4 находятся в Ямало-Ненецком АО, 4 — в Якутии, 2 — на Чукотке. Лидируют по доле КМНС Оленёкский МР (83,5%, в основном проживают эвенки) и Чукотский МР (82,3%, чукчи). Доля ниже 1% в 38 округах и районах, в основном они расположены в европейской части и городах Западной Сибири. Территориально в АЗРФ преобладают районы с повышенным удельным весом коренных малочисленных народов (рис. 4).

Таким образом, можно отметить, что коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока по-прежнему представляют определенный демографический потенциал для формирования человеческих ресурсов российской Арктики и сохранения связанности территории. По переписи 2021 г. их численность в России составила 262,6 тыс. человек, или 11,0% населения АЗРФ. В абсолютных цифрах прирост численности населения составил 53 211 человек, а рост — 125,4%. Российская Арктика, наоборот, с 1989 по 2021 гг. имела убыль — 1 427,4 тыс. человек, или 37,5%. При такой общей демографической динамике каждый источник представляет интерес и является объектом изучения.

Заключение

За годы советского и постсоветского периодов демографический потенциал российской Арктики имел разнонаправленную динамику. С 1939 по 1989 гг. население увеличивалось в среднем на 53 731 человека в год, а с 1989 по 2021 гг. уменьшалось в среднем на 44 606 человек. При такой убыли населения собственной демографической базы будет явно недостаточно. Следовательно, первоочередными задачами государственного и регионального менеджмента становятся, во-первых, сохранение собственного демографического потенциала и, во-вторых, выбор приоритетов в источниках формирования человеческих ресурсов Арктики.

Статусные нации республик российского Севера до 2002 г. демонстрировали восходящую динамику, затем последовало сокращение на 87 591 человека, в среднегодовом исчислении потери составляли

Таблица 3. Группировка коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока по динамике численности населения (переписи населения 1989—2021 гг.), человек

Table 3. Grouping of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East according to population dynamics (population census of 1989—2021), people

Перечень народностей (40 этносов)	1989	2002	2010	2021
Положительная динамика (11 этносов)	117 456	146 665	158 398	168 804
Алюторцы	–	97
Долганы	6 584	7 261	7 885	8 182
Манси	8 279	11 432	12 269	12 308
Ненцы	34 190	41 302	44 640	49 787
Сойоты	...	2 769	3 608	4 380
Тубалары	...	1 565	1 965	3 675
Ханты	22 283	28 678	30 943	31 600
Челканцы	...	855	1 181	1 314
Чукчи	15 107	15 767	15 908	16 228
Эвенки	29 901	35 527	38 396	39 420
Юнагиры	1 112	1 509	1 603	1 813
Отрицательная динамика (13 этносов)	45 402	46 741	41 367	35 387
Алеуты	644	540	482	399
Вепсы	12 142	8 240	5 936	4 687
Камчадалы	...	2 293	1 927	1 564
Коряки	8 942	8 743	7 953	7 498
Кумандинцы	...	3 114	2 892	2 456
Негидальцы	587	567	513	483
Орочи	883	686	596	530
Тазы	...	276	274	236
Телеуты	...	2 650	2 643	2 241
Удэгейцы	1 902	1 657	1 496	1 328
Ульчи	3 173	2 913	2 765	2 481
Чуванцы	1 384	1 087	1 002	903
Шорцы	15 745	13 975	12 888	10 581
Рост — убыль (12 этносов)	45 284	52 876	55 051	50 033
Ительмены	2 429	3 180	3 193	2 622
Кеты	1 084	1 494	1 219	1 096
Нанайцы	11 883	12 160	12 003	11 668
Нивхи	4 631	5 162	4 652	3 863
Саами	1 835	1 991	1 771	1 550
Селькупы	3 564	4 249	3 649	3 491
Теленгиты	...	2 399	3 712	2 916

Перечень народностей (40 этносов)	1989	2002	2010	2021
Тофалары	722	837	762	721
Уйльта [в 1989 г. ороки, в 2002 г. ульта (ороки)]	179	346	295	269
Эвены	17 055	19 071	21 830	19 975
Энцы	198	237	227	203
Эскимосы	1 704	1 750	1 738	1 659
Убыль — рост (3 этноса)	...	5 106	2 217	7 698
Кереки	...	8	4	23
Тувинцы-тоджинцы	...	4 442	1 858	7 293
Чулымцы	...	656	355	382
Убыль — рост — убыль (1 этнос)	1 262	834	862	693
Нганасаны	1 262	834	862	693
Всего КМНС	209 404	252 222	257 895	262 615
Из них 26 МНС	181 517	208 980	218 652	220 770

Примечание: применены обозначения, используемые Росстатом: многоточие (...) — явление было, но сведения отсутствуют; короткое тире (–) — явление отсутствует.

Источники: Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств. — URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php>; Итоги Всероссийской переписи населения 2021 года. — URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>.

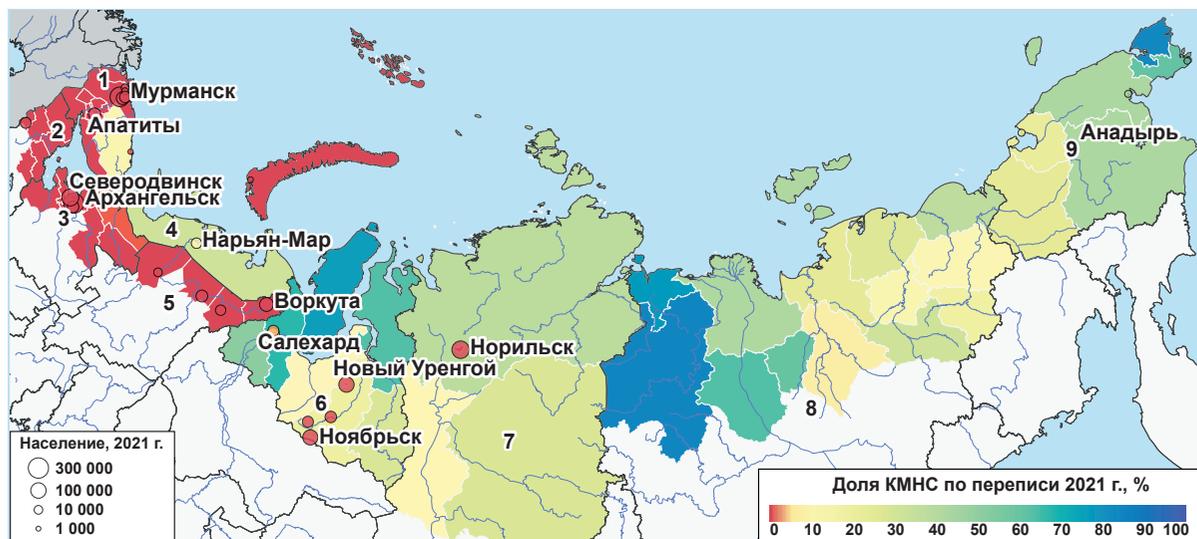
4610 человек. В то же время по переписи 2021 г. численность представителей статусных национальностей составляет 37,9% численности населения российской Арктики, что, на наш взгляд, является значительной частью человеческих ресурсов Севера и Арктики.

Особого внимания заслуживают малочисленные коренные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Как правило, их рассматривают с точки зрения сохранения их как этносов, и дискуссия идет о том, «вымирают они или нет». В статье сделан акцент на том, что они могут стать источником формирования человеческих ресурсов Арктики. Автохтонное население от других этносов отличает то, что они проживают в основном на этнической родине — 73,7%, а за пределами северных территорий — 8,1%. Эта группа менее всего подвержена миграции и сохраняет традицию жить и работать на земле предков. При продуманной кадровой и образовательной политике они могут внести свой вклад на локальных рынках труда.

В то же время обзор научной литературы и проведенное нами исследование показывают, что представительство коренных народов на локальных рынках труда имеет неразвитую структуру: «на территориях с социальными рынками их больше все-

го (17,0%), незначительна их доля в добывающих (8,5%), и они почти не представлены в обрабатывающих и закрытых рынках труда — по 0,1%» [22]. То есть доступ на высокодоходные рынки труда им практически закрыт, что объясняется недостаточными образованием и квалификацией. Коренные народы зачастую имеют «слабую мотивацию к учебе в образовательных учреждениях, обусловленную стрессом, вызванным сменой традиционного образа жизни, актуальны проблемы алкоголизации молодежи, нежелания коммуницировать (так, общение у ненцев и хантов сконцентрировано зачастую внутри самих этнических групп)» [23, с. 120—121]. Следовательно, необходимо повысить желание получить достойное образование у коренных жителей Севера и Арктики, что позволит им улучшить свою конкурентоспособность на локальных рынках труда.

Необходимо обратить внимание и на то, что возрастает роль коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в связи с расширением военного присутствия России в Арктике. «Размещение небольших, но технически оснащенных и располагающих современными транспортными средствами контингентов военнослужащих на постоянной основе было бы целесообразно не в “чистом поле”, а в предельной близости к имею-

Числами обозначены регионы:

1. Мурманская область	4. Ненецкий автономный округ	7. Красноярский край
2. Республика Карелия	5. Республика Коми	8. Республика Саха (Якутия)
3. Архангельская область	6. Ямало-Ненецкий автономный округ	9. Чукотский автономный округ

Рис. 4. Удельный вес коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (перепись населения 2021 г.), %. Источник: данные территориальных органов Росстата
 Fig. 4. Share of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East (population census of 2021), %. Source: data from the Rosstat territorial bodies

щимся населенным пунктам. Это позволило бы занять часть местного населения производительным трудом по гражданскому обслуживанию военных объектов, организовать питание военнослужащих продуктами местного производства (свежие мясо и рыба), решить проблемы медицинского обслуживания местного населения в особо сложных случаях, использовать в допустимых пределах для местных нужд военную транспортную инфраструктуру» [24, с. 57].

В заключение еще раз подчеркнем, что численность 40 коренных народов и четырех статусных северных этносов составляет 1 164 742 человека — это существенный демографический и трудовой потенциал для обеспечения человеческими ресурсами хозяйствующих субъектов российской Арктики (48,9% численности населения АЗРФ). В перспективе предстоит изучить традиционную занятость КМНС и возможность их привлечения в промышленные отрасли.

Финансирование

Статья подготовлена в рамках НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста» (№ ГР 122012700169-9, 2022—2024 гг.).

Благодарность

Авторы выражают признательность Н. Ю. Журавлеву и Е. А. Чупровой за помощь в подготовке рукописи к публикации.

Литература/References

1. Каргинова-Губинова В. В., Васильева А. В., Морозкина М. В., Поташева О. В. Привлечение инвестиций в Арктике: в каких регионах арктические резиденты наиболее значимы, эффективны и устойчивы? // Арктика: экология и экономика. — 2023. — Т. 13, № 3. — С. 394—404. — DOI: 10.25283/2223-4594-2023-3-394-404.
 Karginova-Gubinova V. V., Vasilieva A. V., Moroshkina M. V., Potasheva O. V. Attracting investments in the Arctic: in which regions are Arctic residents the most significant, effective and sustainable? Arctic: Ecology and Economy, 2023, vol. 13, no. 3, pp. 394—404. DOI: 10.25283/2223-4594-2023-3-394-404. (In Russian).
2. Дружинин П. В., Поташева О. В. Роль инноваций в развитии экономики северных и арктических территорий // Арктика: экология и экономика. — 2019. — № 3 (35). — С. 4—15. — DOI: 10.25283/2223-4594-2019-3-4-15.
 Druzhinin P. V., Potasheva O. V. The role of innovation in the economic development of the Northern and Arctic regions. Arctic: Ecology and Economy, 2019, no. 3 (35), pp. 4—15. DOI: 10.25283/2223-4594-2019-3-4-15. (In Russian).
3. Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Российская Арктика: К новому пониманию процессов освоения. — М.: ЛЕНАНД, 2018. — 400 с.
 Zamyatina N. Yu., Pilyasov A. N. Russian Arctic: Towards a new understanding of development processes. Moscow, LENAND, 2018, 400 p. (In Russian).

4. Зубков К. И., Карпов В. П. Развитие российской Арктики: советский опыт в контексте современных стратегий (на материалах Крайнего Севера Урала и Западной Сибири). — М.: Полит. энцикл., 2019. — 367 с. Zubkov K. I., Karpov V. P. Development of the Russian Arctic: Soviet experience in the context of modern strategies (based on materials from the Far North of the Urals and Western Siberia). Moscow, Political Encyclopedia, 2019, 367 p. (In Russian).
5. Логинов В. Г., Балашенко В. В. Срединный арктический регион: ресурсы, социум, экология и экономика. — Екатеринбург: Ин-т экономики Урал. отд-ния РАН, 2014. — 291 с. Loginov V. G., Balashenko V. V. Middle Arctic region: resources, society, ecology and economics. Ekaterinburg, Institute of Economics of the UB RAS, 2014, 291 p. (In Russian).
6. Пилясов А. Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. — М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 544 с. Pilyasov A. N. And the last will be first: The Northern periphery on the way to a knowledge economy. Moscow, LIBROKOM, 2009, 544 p. (In Russian).
7. Логинов В. Г. Социально-экономические аспекты освоения и развития северных районов. — Екатеринбург: Ин-т экономики Урал. отд-ния РАН, 2012. — 450 с. Loginov V. G. Socio-economic aspects of the development of northern regions. Ekaterinburg, Institute of Economics of the UB RAS, 2012, 450 p. (In Russian).
8. Социально-демографическое развитие российского Севера / Отв. ред. Л. Л. Рыбаковский. — М.: НИИ труда, 1993. — 222 с. Socio-demographic development of the Russian North. Ed. by L. L. Rybakovsky. Moscow, Research Institute of Labor, 1993, 222 p. (In Russian).
9. Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Демографические и миграционные процессы на российском Севере: 1980—2000 гг. / Отв. ред. В. В. Фаузер. — Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. — 168 с. Fauzer V. V., Lytkina T. S., Fauzer G. N. Demographic and migration processes in the Russian North: 1980—2000. Ed. by V. V. Fauzer. Syktyvkar, Pitirim Sorokin SSU, 2016, 168 p. (In Russian).
10. Фаузер В. В., Смирнов А. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Вызовы и противоречия в развитии Севера и Арктики: демографическое измерение // Арктика: экология и экономика. — 2022. — Т. 12, № 1. — С. 111—122. — DOI: 10.25283/2223-4594-2022-1-111-122. Fauzer V. V., Smirnov A. V., Lytkina T. S., Fauzer G. N. Challenges and contradictions in the development of the North and the Arctic: demographic dimension. Arctic: Ecology and Economy, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 111—122. DOI: 10.25283/2223-4594-2022-1-111-122. (In Russian).
11. Российская Арктика: современная парадигма развития / Под ред. акад. А. И. Татаркина. — СПб.: Нестор-История, 2014. — 844 с. Russian Arctic: modern development paradigm. Ed. by A. I. Tatarkin. St. Petersburg, Nestor-History, 2014, 844 p. (In Russian).
12. Быстров В. В., Маслобоев А. В., Путилов В. А. Информационно-аналитическая поддержка управления кадровой безопасностью арктических регионов (методология и инструментарий) // Арктика: экология и экономика. — 2020. — № 2 (38). — С. 122—133. — DOI: 10.25283/2223-4594-2020-2-122-133. Bystrov V. V., Masloboev A. V., Putilov V. A. Information and Analytical Support for Personnel Security Management in the Arctic regions (methodology and tools). Arctic: Ecology and Economy, 2020, no. 2 (38), pp. 122—133. DOI: 10.25283/2223-4594-2020-2-122-133. (In Russian).
13. Фаузер В. В., Смирнов А. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Российская и Мировая Арктика: население, экономика, расселение / Отв. ред. проф. В. В. Фаузер. — М.: Полит. энцикл., 2022. — 215 с. Fauzer V. V., Smirnov A. V., Lytkina T. S., Fauzer G. N. Russian and World Arctic: population, economics, settlement. Ed. by V. V. Fauzer. Moscow, Political Encyclopedia, 2022, 215 p. (In Russian).
14. Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Смирнов А. В. Население Мировой Арктики: российский и зарубежный подходы к изучению демографических проблем и заселению территорий // Экон. и соц. перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2020. — Т. 13, № 3. — С. 158—174. — DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.11. Fauzer V. V., Lytkina T. S., Smirnov A. V. Population of the World Arctic: Russian and foreign approaches to studying demographic problems and settlement of territories. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 158—174. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.11. (In Russian).
15. Лыткина Т. С. Социальная биография исключения в постсоветской России // Журн. социологии и соц. антропологии. — 2011. — Т. 14, № 1. — С. 87—109. Lytkina T. S. Social biography of exclusion in post-Soviet Russia. Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [J. of Sociology and Social Anthropology], no. 14 (1), pp. 87—109. (In Russian).
16. Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы / Под общ. ред. Н. К. Харлампьевой. — Архангельск: САФУ, 2017. — 325 с. Ethnonational processes in the Arctic: trends, problems and prospects. Ed. by N. K. Kharlampieva. Arkhangel'sk, NARFU, 2017, 325 p. (In Russian).
17. Арктическое пространство России в XXI веке: факторы развития, организация управления / Под ред. акад. В. В. Ивантера. — СПб.: Санкт-Петерб. Политехн. ун-т Петра Великого; Изд. дом «Наука», 2016. — 1016 с.

- Arctic space of Russia in the XXI century: development factors, management organization. Ed. By V. V. Ivanter. St. Petersburg, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic Univ.; Publ. House "Science", 2016, 1016 p. (In Russian).
18. *Логинов В. Г.* Региональные особенности социально-экономического развития коренных этносов и традиционных отраслей. — Екатеринбург: Ин-т экономики Урал. отд-ния РАН, 2011. — 217 с.
Loginov V. G. Regional features of the socio-economic development of indigenous ethnic groups and traditional industries. Ekaterinburg, Institute of Economics of the UB RAS, 2011, 217 p. (In Russian).
19. *Смиреникова Е. В., Губина О. В., Воронина Л. В. и др.* Реализация демографического потенциала территорий Российской Арктики в контексте инновационного развития: механизм, факторы, инструменты регулирования / Отв. ред. А. Г. Шеломенцев. — Архангельск, 2022. — 294 с.
Smirennikova E. V., Gubina O. V., Voronina L. V. et al. Realization of the demographic potential of the Russian Arctic territories in the context of innovative development: mechanism, factors, regulation tools. Ed. by A. G. Shelomentsev. Arkhangelsk, FC IAR of the UB RAS, 2022. 294 p. (In Russian).
20. *Слэзкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. — М.: Новое лит. обозрение, 2019. — 512 с.
Slezkin Yu. Arctic mirrors: Russia and indigenous minorities of the North. Moscow, New Literary Rev., 2019, 512 p. (In Russian).
21. *Смиреникова Е. В., Воронина Л. В., Уханова А. В.* Оценка демографического потенциала арктических регионов Российской Федерации в контексте инновационного развития // Арктика: экология и экономика. — 2021. — Т. 11, № 1. — С. 19—29. — DOI: 10.25283/2223-4594-2021-1-19-29.
- Smirennikova E. V., Voronina L. V., Ukhanova A. V.* Assessment of the demographic potential of the Arctic regions of the Russian Federation in the context of innovative development. Arctic: Ecology and Economy, 2021, vol. 11, no. 1, pp. 19—29. DOI: 10.25283/2223-4594-2021-1-19-29. (In Russian).
22. *Фаузер В. В., Смирнов А. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н.* Локальные рынки труда российской Арктики: классификация по видам деятельности // Арктика: экология и экономика. — 2019. — № 2 (34). — С. 4—17. — DOI: 10.25283/2223-4594-2019-2-4-17.
Fauzer V. V., Smirnov A. V., Lytkina T. S., Fauzer G. N. Local Labor Markets of the Russian Arctic: Classification by Activity Type. Arctic: Ecology and Economy, 2019, no. 2 (34), pp. 4—17. DOI: 10.25283/2223-4594-2019-2-4-17. (In Russian).
23. *Питухина М. А., Белых А. Д.* Меры поддержки коренных малочисленных народов в местах их традиционного проживания: опыт Ямало-Ненецкого автономного округа // Арктика: экология и экономика. — 2023. — Т. 13, № 1. — С. 119—126. — DOI: 10.25283/2223-4594-2023-1-119-126.
Pitukhina M. A., Belykh A. D. Measures to support indigenous peoples in their places of traditional residence: the experience of the Yamalo-Nenets Autonomous Area. Arctic: Ecology and Economy, 2023, vol. 13, no. 1, pp. 119—126. DOI: 10.25283/2223-4594-2023-1-119-126. (In Russian).
24. *Лексин В., Порфирьев Б.* Новое обустройство Арктики: вызов и социально-экономический ресурс будущего России // Проблемы теории и практики управления. — 2015. — № 6. — С. 54—60.
Leksin V., Porfiryev B. New development of the Arctic: challenge and socio-economic resource of the future of Russia. Problemy teorii i praktiki upravleniya [Problems of theory and practice of management], 2015, no. 6, pp. 54—60. (In Russian).

Информация об авторах

Фаузер Виктор Вильгельмович, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (167982, Россия, Республика Коми, ГСП-2, Сыктывкар, Коммунистическая ул., д. 26), e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru, <https://vfauser.ru>, ORCID: 0000-0002-8901-4817.

Смирнов Андрей Владимирович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, лаборатория демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (167982, Россия, Республика Коми, ГСП-2, Сыктывкар, Коммунистическая ул., д. 26), e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6952-6834.

Фаузер Галина Николаевна, научный сотрудник, лаборатория демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (167982, Россия, Республика Коми, ГСП-2, Сыктывкар, Коммунистическая ул., д. 26), e-mail: gfauser@iespn.komisc.ru. Scopus Author ID: 57423308400, <http://orchid.org/0000-0002-1616-8102>.

ETHNIC POTENTIAL FOR THE FORMATION OF HUMAN RESOURCES IN THE RUSSIAN ARCTIC

Fauzer, V. V., Smirnov, A. V., Fauzer, G. N.

Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Center “Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences” (Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation)

The article was received on February 7, 2024

For citing

Fauzer V. V., Smirnov A. V., Fauzer G. N. Ethnic potential for the formation of human resources in the Russian Arctic, 2024, vol. 14, no. 2, pp. 286—300. DOI: 10.25283/2223-4594-2024-2-286-300. (In Russian).

Abstract

The reproduction of the old-timer population and first-generation migrants, the demographic dynamics of the status ethnic groups of the national republics of the Russian North (Karelians, Komi, Tuvans and Yakuts) and the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East form the population and human resources of the Russian Arctic. Those working on a rotational basis partly cover the need for labor resources. Each group of human resources demonstrates distinctive demographic dynamics and contributes to the formation of human resources in the Russian Arctic. The purpose of the study is to assess each component of the formation of human resources in the Russian Arctic. The authors conclude that there has been a high decline in the old-timer population and new settlers since the 1990s and reveal the multidirectional dynamics of the status and indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East, though emphasize that their number in Russia is almost half of the human resources of the Russian Arctic. Materials from the population censuses of 1926—2021 make up the information base of the study.

Keywords: *Russian Arctic, human resources, indigenous peoples, status ethnic groups of the Russian North, population census, local labor markets.*

Funding

The article was prepared within the framework of the research project “Human resources of the northern regions of Russia: development potential or limitation of economic growth” (no. 122012700169-9, 2022-2024).

Acknowledgements

The authors express their gratitude to N. Yu. Zhuravlev and E. A. Chuprova for their assistance in preparing the manuscript for publication.

Information about the authors

Fauzer, Viktor Vilgelmovich, Doctor of Economy, Professor, Chief Researcher, Head of the Laboratory of demography and social management, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Center “Komi Scientific Center Ural Branch of the Russian Academy of Sciences” (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, GSP-2, the Komi Republic, Russia, 167982), e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru, <https://vvfauzer.ru/>, ORCID: 0000-0002-8901-4817.

Smirnov, Andrey Vladimirovich, PhD of Economy, Senior Researcher, Laboratory of demographic and social management, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS” (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, GSP-2, the Komi Republic, Russia, 167982), e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6952-6834.

Fauzer, Galina Nikolaevna, Researcher, Laboratory of demographic and social management, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS” (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, GSP-2, the Komi Republic, Russia, 167982), e-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru, ORCID: 0000-0002-1616-8102.

© Fauzer V. V., Smirnov A. V., Fauzer G. N., 2024